



Приходит март. Я сызнава служу.
В несчастливом кружении событий
изменчивую прелесть нахожу
в смешеньи незначительных наитий.

Воскресный свет все менее манит
бежать ежевечерних откровений,
покуда утомительно шумит
на улицах мой век полувоенный.

Воскресный свет. Все кажется не та,
не та толпа, и тягостны поклоны.
О, время, послужи, как пустота,
часам, идущим в доме Аполлона.

А мир живет, как старый однодум,
и снова что-то страшное бормочет,
покуда мы приравниваем ум
к пределам и деяниям на ощупь.

Как мало на земле я проживу,
все занятый невечными делами,
и полдни зимние столпятся над столами,
как будто я их сызнава зову.

Но что-нибудь останется во мне —
в живущем или мертвом человеке —
и вырвется из мира и извне
расстанется, свободное навеки.

Хвала развязке. Занавес. Конец.
Конец. Разъезд. Галантность провожатых,
у светлых лестниц к зеркалам прижатых,
и лавровый заснеженный венец.

март 1961